

Olga V. Veles

ХРОНИКИ
СЛАВЯНСКОЙ
НЕЧИСТИ

Olga Veles

Хроники славянской нечисти

<https://litres.ru/73993091>

SelfPub; 2026

Аннотация

В стародавние времена, когда мир был полон тайн, а грань между явью и навью тонка, рядом с людьми жили иные существа. Нечисть славянская — не просто выдумки, а память предков, предостережение и урок. Эти хроники собраны из обрывочных свидетельств, преданий и наблюдений хранителей мудрости. Да послужит сей труд напоминанием: не всё, что скрыто, — забыто.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Olga V. Veles

Хроники славянской нечисти

Глава

Хроники славянской нечисти

Пролог

Туман полз по земле, словно живое существо, — густой, молочный, с запахом гниющих листьев и чего-то ещё, древнего, забытого. Он обволакивал стволы вековых елей, цеплялся за колючие ветви можжевельника, стелился над чёрной водой болота, будто прятал от людских глаз то, что не должно быть увидено.

В такой час, на границе дня и ночи, когда солнце уже скрылось за лесом, а луна ещё не взошла, в этих краях лучше было не ходить. Старики говорили: «Кто в туман забредет — того *они* заберут».

Но Игнат не верил в сказки.

Он шёл тропой, которую помнил с детства, — узкой, едва заметной, петляющей между кочек и корявых корней. Сапоги хлюпали в ледяной воде, плащ отсырел и оттягивал плечи.

Игнат ёжился, но упрямо шагал вперёд. В мешке за спиной лежали травы, собранные на рассвете: зверобой, полынь, корень дягиля — всё, что нужно для отвара, который, по словам бабки Марфы, отгоняет нечисть.

«Если сама бабка велела — значит, надо», — думал он, вглядываясь в белёсую пелену.

Туман сгущался. Звуки затихали: не слышно было ни птичьего крика, ни шороха зверька в кустах. Только собственное дыхание да стук сердца — слишком громкий, слишком частый.

И вдруг — голос.

Тихий, женский, напевающий колыбельную.

Игнат замер. Голос доносился откуда-то справа, из самой гущи тумана. Знакомая мелодия — та, что пела ему мать, пока была жива. Но мать умерла десять лет назад.

Он медленно повернул голову.

В трёх шагах от него, прямо на болотной кочке, сидела девушка.

Белая рубаша, распущенные русые волосы, босые ноги, испачканные тиной. Она покачивалась, словно в трансе, и всё пела, пела, пела...

— Эй, — хрипло окликнул Игнат. — Ты кто?

Девушка замолчала. Медленно подняла голову.

Глаза у неё были пустые, белые, как у слепой рыбы.

— Игнат, — прошептала она. — Ты опоздал.

Глава 1. Деревня у Чёрного леса

Деревня Глухово стояла на краю Чёрного леса — так его звали испокон веков, и никто уже не помнил почему. Может, из-за елей, таких тёмных, что даже в полдень под их кронами царили сумерки. А может, из-за того, что в лесу этом пропадали люди.

Дома в Глухово жались друг к другу, как старики у печи. Крыши, покрытые дранкой, поросшие мхом. Окна, занавешенные холстиной. У колодца — резной столб с изображением Перуна, давно облезший, но всё ещё внушающий уважение.

На окраине, у самого леса, стоял дом бабки Марфы. Не дом даже, а избышка — покосившаяся, с кривыми ставнями, с крышей, которую, казалось, вот-вот снесёт ветром. Но Марфа жила здесь пятьдесят лет, и ни буря, ни нечисть её не трогали.

Сегодня утром Игнат пришёл к ней за советом.

— Опять *они* шалят, — сказала бабка, помешивая что-то в чугушке. От варева шёл терпкий запах полыни и можжевельника. — В лесу голоса слышны. На болоте огни пляшут. А вчера Мишку-пастуха нашли — сидит на пеньке, глаза стеклянные, слова сказать не может.

— Может, медведь его напугал? — попытался возразить Игнат.

Марфа фыркнула:

— Медведь, как же. Ты, парень, в лес сходи да послушай, *что* там шепчут. Да поосторожнее — не ровен час, *она* тебя заметит.

— Она? — переспросил Игнат.

Бабка помолчала, потом тихо произнесла:

— Болотная Марь. Давно её не было слышно. А теперь, видать, проснулась.

Игнат сглотнул. Легенды о Марье он слышал с детства — о том, как она заманивает путников в трясины, как поёт колыбельные, от которых засыпают навеки, как её слуги — маревки и угарники — водят людей кругами, пока те не сгинут в болотной глуши.

— И что делать? — спросил он.

Марфа поставила перед ним кружку с отваром:

— Пойдешь на болото. Найдешь её след. И скажешь: «Марь, отступи. Глухово — не твоя вотчина». Если послушает — хорошо. Если нет... — она вздохнула. — Тогда придётся звать того, кто с *ними* говорить умеет.

Игнат выпил отвар. Горько. Терпко. И от этой горечи вдруг стало ясно: сказки сказками, а в лесу и на болоте и правда творится что-то неладное.

А значит, выбора у него нет.

Глава 2. На краю трясины

К болоту Игнат шёл на закате. Солнце, багровое и тяжёлое, цеплялось за верхушки елей, бросая длинные тени. Воздух был густым, влажным, пропитанным запахом тины и прели.

Он остановился у кромки воды. Перед ним расстилалась топь — чёрная, маслянистая, усыпанная островками осоки

и кувшинок. Где-то вдали, на самом краю видимости, мерцали блуждающие огни — то вспыхивали, то гасли, словно подмигивая.

— Марь, — громко произнёс Игнат. Голос прозвучал глухо, будто утонул в тумане. — Я пришёл с миром. Отступи, оставь Глухово в покое.

Тишина.

Только ветер шелестел камышами да где-то вдалеке ухнула сова.

Игнат сделал шаг вперёд, на зыбкую кочку. Потом ещё один.

И тут он услышал за спиной смех.

Звонкий, девичий, но в нём не было ничего человеческого.

Он обернулся.

На берегу, там, где только что никого не было, стояла девушка в белой рубаше. Та самая, что встретила его в тумане.

— Ты опоздал, Игнат, — повторила она. — Она уже здесь. И она голодна.

Туман вокруг сгустился. Огни на болоте вспыхнули ярче. И тогда Игнат понял: это только начало.

Глава 3. Домовой и овинник

Игнат вернулся в деревню под утро, вымотанный и бледный. Туман отступил, но тревога осталась — тяжёлая, лип-

кая, будто болотная тина на сапогах.

Первым делом он направился к своему дому. Войдя внутрь, замер на пороге: в избе было не так, как он оставил. Печь, которую он накануне затопил, остыла, но на лавке у стола лежал свежий ломоть хлеба, а на подоконнике — пучок полыни, перевязанный красной ниткой.

— Дедушка-домовой, — тихо произнёс Игнат, кланяясь в пояс. — Коли помог — спасибо. Коли предупредил — дай знак.

В ответ за печью что-то зашуршало, потом раздался короткий, недовольный вздох. Игнат понял: домовой встревожен.

Он вышел во двор. Овин стоял на отшибе, за огородами, — старый, покосившийся, с прогнившей крышей. Овинник, хозяин этого места, славился крутым нравом: тех, кто не уважал его, он мог и за ногу ухватить, и в дыму удушить.

Игнат положил у порога овина горсть зерна, щепотку соли и ломтик хлеба.

— Хозяин овинный, — произнёс он громко. — Помоги, подскажи: что творится в наших краях? Почему нечисть пробудилась?

Тишина.

Потом дверь скрипнула, приоткрываясь сама собой. Из щели вырвался клубок горячего воздуха, пахнущего печёным хлебом и чем-то едким, звериным.

— *Беда идёт*, — раздался хриплый шёпот, будто из-под

земли. — *Она всех поднимет. И меня. И водяного. И лешего. Всех.*

Дверь захлопнулась.

Игнат сглотнул. Если даже овинник боится — значит, дело хуже, чем он думал.

Глава 4. Полуденница в ржаном поле

На следующий день Игнат решил проверить поля — вдруг там найдутся следы нечисти. День выдался жаркий, солнце стояло в зените, заливая золотистую рожь слепящим светом.

Он шёл по тропинке, когда вдруг заметил фигуру в белом, стоящую посреди поля. Женщина, высокая и тонкая, с распущенными волосами, медленно покачивалась, будто под невидимую музыку.

Полуденница.

Старики говорили: в полдень, когда солнце в самой силе, она выходит к тем, кто работает в поле. Кто посмотрит ей в глаза — тот упадёт, будто поражённый ударом, а кто побежит — тот заблудится и умрёт от жажды.

Игнат замер. Он знал: бежать нельзя. Смотреть в глаза — нельзя.

Медленно, не отрывая взгляда от земли, он начал отступать. Но полуденница уже заметила его.

— *Куда же ты, добрый молодец?* — её голос звенел, как раскалённый металл. — *Останься, погрейся на солнышке...*

Ветер стих. Воздух стал густым, удушливым. Игнат почувствовал, как ноги наливаются тяжестью, а в голове зашу-

мело.

«Полынь», — вспомнил он.

Быстрым движением он достал из кармана пучок сухой травы, поднёс к носу и резко вдохнул горький запах.

Полуденница вскрикнула — звук получился резким, птичьим. Фигура в белом дрогнула, расплылась в воздухе и растаяла, оставив после себя лишь запах нагретой ржи.

Игнат выдохнул. Он едва ушёл от беды. Но теперь точно знал: нечисть не просто пробудилась. Она охотится.

Глава 5. Русалки у реки

К вечеру Игнат отправился к реке — спросить у местных рыбаков, не видели ли они чего странного. Но подойдя к берегу, замер: на камнях сидели девушки в белых рубашках, с длинными мокрыми волосами. Они смеялись, плескали водой друг на друга, а потом запели — звонко, зазывно.

Русалки.

Рядом с Игнатом стоял мальчишка лет двенадцати, завожённо глядя на них.

— Ванька, назад! — рывкнул Игнат, хватая его за плечо.

Мальчишка вздрогнул, будто очнулся.

— А? Что? Я только...

— Не смотри на них! — Игнат оттащил его подальше. — И уши закрой, если снова услышишь!

Русалки, заметив, что их заметили, перестали петь. Одна из них медленно повернула голову. Глаза у неё были чёрные, без белков.

— *Игнат...* — прошептала она. — *Мы помним тебя. Твой дед нас уважал. А ты?*

Он знал, что ответить. Достал из мешка горсть мака и бросил в воду.

— На, примите дары. Пусть будет мир между нами.

Русалки переглянулись. Та, что говорила, кивнула.

— *Ладно. Пока ладно. Но если Марь возьмёт верх — мы не обещаем.*

Они скользнули в воду и исчезли.

Глава 6. Встреча с лешим

К ночи Игнат решил пойти в лес — поговорить с лешим. Тот был главным в этих краях, и если кто и знал, как остановить Марь, то только он.

Войдя под сень деревьев, Игнат остановился и громко произнёс:

— Хозяин лесной, я пришёл с миром. Дай знак, где тебя искать.

Ветки затрещали. Из-за ели вышел высокий, сутулый мужчина в одежде из мха и листьев. Глаза у него были жёлтые, как у волка.

— *Знаю, зачем пришёл,* — хрипло сказал леший. — *Марь сильна. Она зовёт старых духов. Скоро проснутся и другие: банники, кикиморы, даже те, чьих имён уже не помнят.*

— Как её остановить? — спросил Игнат.

Леший усмехнулся:

— *Только тот, кто связан с ней кровью, может её при-*

звать — и только тот может её унять. Ищи того, кто забыл свои корни. Кто отвернулся от старых обычаев. Он — ключ.

И с этими словами он исчез, оставив после себя лишь шорох листьев.

Глава 7. Банник и баня на отшибе

Игнат знал: если хочешь узнать тайны деревни — иди в баню. Но не в ту, что у домов, а в старую, на краю болота. Там жил банник — дух, который не любил чужаков, но мог открыть правду тому, кто его уважит.

Он пришёл на закате. Баня стояла, покосившись, словно старуха, уставшая от веков. Дверной косяк был исписан древними знаками — оберегами, давно стёршимися от дождей.

Игнат снял шапку, поклонился до земли:

— Хозяин банный, я пришёл с миром. Дай совет, помоги в беде.

Тишина. Только ветер шелестел камышами да где-то вдали ухала сова.

Он достал из мешка горсть соли, ломоть хлеба и кружку мёда, положил у порога:

— Прими дары, открой правду. Что за сила пробудилась в наших краях?

Дверь скрипнула, приоткрываясь. Изнутри пахло жаром и чем-то едким, звериным.

— *Марь*, — раздался хриплый голос, будто из-под земли.

— Она зовёт старых духов. Водяного уже слышала река. Леший шепчет деревьям. Скоро и кикимора выйдет из трясины.

— Как её остановить? — спросил Игнат.

— Только тот, кто связан с ней кровью, может её призвать — и только тот может её унять. Ищи того, кто забыл свои корни. Кто отвернулся от старых обычаев. Он — ключ.

Голос затих. Дверь захлопнулась.

Игнат сглотнул. Слова банника совпадали с тем, что сказал леший. Значит, правда где-то рядом.

Глава 8. Кикимора в болотной глуши

К утру туман снова окутал болото — густой, молочный, с запахом гниющих листьев. Игнат шёл осторожно, ступая по кочкам, обходя тёмные омуты. Он знал: кикимора не любит гостей, но, может, она знает, где искать того, кто разбудил Марь.

Он остановился у старого пня, покрытого мхом.

— Хозяюшка болотная, — произнёс он тихо. — Я не враг тебе. Помоги, подскажи: где найти того, кто связан с Марьей?

В ответ — шорох в камышах. Потом — смех, тонкий, скрипучий, будто трение сухих веток.

Из тумана выступила фигура: невысокая, скрюченная, с длинными, спутанными волосами, облепленными тиной.

Глаза у неё были жёлтые, как у совы.

— *Зачем тебе тот человек?* — прошипела кикимора. — *Может, ты сам его и разбудил?*

— Я не знал, — честно ответил Игнат. — Но теперь должен исправить.

Кикимора прищурилась, потом вдруг улыбнулась, обнажая мелкие острые зубы:

— *Ладно. Скажу. Он в Глухово живёт. Тот, кто дом деда сжжёт. Тот, кто старые обычаи забыл. Найди его — и поймай всё.*

Она махнула рукой, и туман вокруг сгустился. Когда он рассеялся, кикиморы уже не было.

Игнат задумался. В деревне был только один, кто подходил под это описание — кузнец Еремей. Он действительно сжжёт старый дом своего деда, считая, что там «нечисть водится».

Глава 9. Водяной и омут у старой мельницы

Река текла медленно, лениво, отражая серое небо. У старой мельницы, давно заброшенной, вода закручивалась в воронку — там, по слухам, жил водяной.

Игнат подошёл к берегу, бросил в воду горсть монет и ломоть хлеба:

— Хозяин речной, я пришёл с миром. Скажи: правда ли, что Марь зовёт старых духов?

Вода в омуте забурлила. Из глубины поднялся пузырь, по-

том ещё один. И наконец — голова: зелёная, в тине, с длинными усами и глазами, похожими на рыбы.

— *Правда, — прохрипел водяной. — Она хочет вернуть старые времена. Когда люди боялись леса, болота, реки. Когда приносили жертвы.*

— А если мы принесём жертву сейчас? — осторожно спросил Игнат.

Водяной рассмеялся, и смех его был похож на бульканье:

— *Не люблю жертву она примет. Ей нужно не зерно, не мёд. Ей нужно то, что связывает её с миром живых. Кровь того, кто её призвал.*

Игнат похолодел. Значит, Еремей не просто забыл обычаи — он, сам того не зная, разбудил древнюю силу.

— Где его найти? — спросил он.

— *У кузницы. Но помни: он не виноват. Он просто не знал, что в доме деда хранился её волос. Тот, что когда-то дал ему прадед — на удачу.*

Водяной исчез, оставив после себя лишь круги на воде.

Глава 10.оборотни (волкодлаки) в ночном лесу

Ночь опустилась быстро, как чёрная шаль. Игнат шёл к кузнице, но дорога вдруг свернула не туда. Он понял, что заблудился.

— Опять маревки? — пробормотал он, доставая пучок полыни.

Но тут из-за деревьев вышли фигуры — высокие, сгорб-

ленные, с горящими глазами. Волкодлаки.

Один из них выступил вперёд. Лицо его было наполовину человеческим, наполовину волчьим.

— *Ты ищешь Еремея, —* прохрипел он. *— Но он уже не человек. Марь взяла его душу.*

— Где он? — Игнат сжал рукоять ножа.

— *В сердце болота. Там, где стоит старое капище. Но один ты не дойдёшь. Мы можем помочь — если дашь клятву.*

— Какую клятву?

— *Пообещай, что если остановишь Марь, то люди снова будут уважать лес. Не будут рубить без нужды, не будут гадить в реках. И будут оставлять дары.*

Игнат кивнул:

— Клянусь.

Волкодлаки переглянулись. Тот, что говорил, усмехнулся:

— *Тогда идём. Время на исходе.*

Они двинулись вперёд, а Игнат почувствовал, как воздух становится тяжелее, будто сама тьма сжимается вокруг них.

Глава 11. Блуждающие огни и маревки в трясине

Туман над болотом стоял стеной — плотный, липкий, с запахом гниющих корней и стоячей воды. Игнат шёл осторожно, ступая по кочкам, обходя тёмные омуты, в которых

что-то шевелилось, будто огромные рыбы скользили под поверхностью.

Он искал путь к старому капищу — туда, где, по словам волкодлаков, Марь держала Еремея. Но болото не хотело его пускать.

Сначала он услышал шёпот.

— *Сюда... иди сюда...* — голос был женским, ласковым, будто манил к себе.

Игнат замер. Он знал: это маревки — духи тумана, которые заводят путников в трясину.

Он достал из мешка пучок полыни, поднёс к носу и резко вдохнул горький запах. Голоса стихли, но ненадолго.

Потом впереди вспыхнули огни — маленькие, голубые, мерцающие. Они висели в воздухе, то поднимаясь, то опускаясь, словно приглашая последовать за ними.

Блуждающие огни.

Старики говорили: кто пойдёт за ними — сгинет в болоте.

Игнат сжал кулаки. Он не мог остановиться — Еремей был где-то там, за этой пеленой тумана, за этими обманчивыми огоньками.

— Я не ваш, — прошептал он. — Я иду по своей воле.

Он шагнул вперёд, но кочка под ногой хлюпнула, и нога провалилась по колено в ледяную жижу.

— *Попался,* — прошипел кто-то рядом.

Из тумана выступила фигура — высокая, тонкая, с длинными руками, свисающими почти до земли. Лицо у неё бы-

ло бледное, почти прозрачное, глаза — пустые, без зрачков. Маревка.

— Зачем идёшь? — прошептала она, склонив голову набок. — *Болото не любит чужаков.*

— Мне нужен Еремей, — твёрдо сказал Игнат. — Отпусти меня.

Маревка рассмеялась — звук получился сухим, как шелест опавших листьев.

— *А если не отпущу?*

Игнат достал нож, но маревка только усмехнулась.

— Статью меня не возьмёшь, — прошептала она. — *Но... если загадаешь мне загадку, что не разгадать, отпущу. А не отгадаю — сам останешься здесь, с нами.*

Игнат задумался. Старики учили: маревки умны, но не знают людских хитростей.

— Что можно взять, но нельзя отдать? — спросил он.

Маревка нахмурилась, потом покачала головой:

— *Не знаю.*

— Тень, — ответил Игнат.

Дух зашипела, отступила. Огни погасли. Туман расступился, открыв узкую тропинку, ведущую вглубь болота.

— *Иди,* — прошипела маревка. — *Но помни: болото ещё не отпустило тебя.*

Игнат шагнул вперёд.

Глава 12. Баба-Яга и избушка на курьих ножках

К вечеру туман рассеялся, но лес стал гуще — деревья сплелись ветвями, образуя над головой тёмный свод. Игнат понял, что заблудился.

Он остановился, прислушиваясь. Где-то вдалеке раздался скрип — будто старые доски терлись друг о друга.

Через полчаса он вышел на поляну.

Посередине стояла избушка — покосившаяся, с кривыми ставнями, с крышей, поросшей мхом. И самое главное — на курьих ножках, которые шевелились, будто живые.

Вокруг — частокол из костей. На кольях — черепа, пу-
стые глазницы которых смотрели прямо на Игната.

— Избушка-избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом, — произнёс он, как учили в детстве.

Избушка заскрипела, медленно повернулась. Дверь приоткрылась.

— Заходи, гость незванный, — раздался хриплый голос.

Внутри было темно, пахло травами, дымом и чем-то сладковатым, тошнотворным. У печи сидела старуха — сгорбленная, с крючковатым носом, с волосами, седыми, как иней. Баба-Яга.

— Чего надо? — спросила она, не поворачиваясь.

— Ищу Еремея, кузнеца из Глухово, — ответил Игнат. — Говорят, Марь его забрала.

Баба-Яга хмыкнула, повернулась. Глаза у неё были жёлтые, как у хищной птицы.

— Взяла, — подтвердила она. — И не только его. Она всех

забирает, кто забыл старые обычаи. Твой кузнец дом деда сжёг, а в доме том хранился её волос — вот она и проснулась.
— Как её остановить? — спросил Игнат.

Баба-Яга встала, подошла к полке, достала маленький ларчик.

— Есть у меня вещь, что её ослабит, — прошептала она.
— Но отдам не просто так. Принеси мне три капли росы с цветка папоротника, что цветёт лишь в самую короткую ночь. Тогда помогу.

Игнат вздохнул. Цветок папоротника — легенда, его никто не находил. Но выбора не было.

— Договорились, — сказал он.

Баба-Яга улыбнулась, и улыбка эта не сулила ничего доброго.

— Ступай, — махнула она рукой. — Путь к капищу теперь открыт. Но помни: Марь не отступит без боя.

Дверь распахнулась, и Игнат оказался снаружи. Избушка повернулась обратно, частокол закрипел, будто смеясь ему вслед.

Глава 13. Вурдалаки у старой дороги

Ночь опустилась быстро, как чёрная шаль. Игнат шёл по старой дороге, ведущей к капищу, когда услышал позади шаги.

Он обернулся.

По дороге шли люди.

Обычные на вид — в крестьянских рубахах, с котомками за плечами. Но что-то в их походке было неправильное: слишком ровные движения, слишком синхронные.

Вурдалаки.

Живые мертвецы, пьющие кровь. Те, кто первыми нападают на родных и знакомых.

Один из них поднял голову. Лицо было знакомым — сосед Игната, умерший три года назад.

— Игнат, — прохрипел он. — *Иди с нами. Будет весело.*

Остальные остановились, уставились на него пустыми глазами.

Игнат отступил. Он знал, что против вурдалаков нужны особые средства.

Достал из мешка чеснок, бросил перед собой. Вурдалаки зашипели, отпрянули.

— Не подходите! — крикнул он.

— *Ты же свой,* — прошептал сосед. — *Почему боишься?*

— Потому что вы не люди, — ответил Игнат.

Он выхватил нож, на котором были вырезаны обережные знаки, и шагнул вперёд. Вурдалаки отступили ещё на шаг.

— Уходите, — приказал он. — Вас здесь нет. Вас здесь никогда не было.

Сосед скривился, зарычал, но потом медленно повернулся и пошёл прочь. Остальные последовали за ним.

Игнат выдохнул. Дорога была свободна. Впереди, за поворотом, он увидел тусклое сияние — капище.

Он знал: там его ждёт последняя битва.

Глава 14. Капище древних богов

Капище открылось внезапно — словно прореха в ткани мира. Только что вокруг были лишь тёмные деревья и вязкая топь, а в следующий миг Игнат стоял на круглой поляне, окружённой каменными идолами.

Они возвышались по кругу — древние, покрытые мхом и лишайником, с лицами, изъеденными временем. В центре стоял самый большой идол — с тремя лицами: одно улыбалось, второе плакало, третье оставалось бесстрастным. У его подножия, распростёртый на камнях, лежал Еремей.

Воздух здесь был густым, почти осязаемым. Пахло дымом, железом и чем-то сладким, тошнотворным — будто цветы, начавшие гнить.

— Наконец-то, — раздался голос.

Из-за идола выступила Марь. Теперь она выглядела не как бледная девушка из тумана — это была высокая женщина с длинными серебристыми волосами, в платье из болотной травы и тины. Глаза её светились холодным лунным светом.

— Я ждала тебя, Игнат, — она улыбнулась, и улыбка эта не сулила ничего доброго. — Твой предок когда-то заключил со мной договор. Теперь пришла пора платить.

— Мой дед ничего не должен тебе, — твёрдо сказал Игнат.

Марь рассмеялась — звук получился, как звон ледяных сосулек.

— О, ещё как должен. Он получил силу, знание, богатство. А взамен обещал, что его род будет хранить границу между мирами. Но ваш кузнец сжёг старый дом, где хранился оберег... и вот я здесь.

Она махнула рукой. Еремей застонал, приподнялся на локтях. Глаза у него были пустые, стеклянные.

— Отпусти его, — потребовал Игнат. — Он не знал, что делает.

— А ты знаешь? — Марь шагнула ближе. — Ты пришёл сюда, не взяв ни огня, ни железа, ни оберегов. Только нож с рунами да горсть полыни. Глупо.

Игнат почувствовал, как земля под ногами дрогнула. Камни зашевелились, будто живые. Из-под мха показались корни, потянулись к его ногам.

Он быстро достал амулет — тот, что дед дал ему в детстве: маленький деревянный кулон с вырезанным знаком.

— Стой, — произнёс он, поднимая амулет. — Я принимаю долг рода. Что нужно сделать?

Марь замерла. Лики идолов словно ожили — улыбающееся нахмурилось, плачущее перестало ронять слёзы, бесстрастное чуть дрогнуло уголками губ.

— Жертва, — прошептала Марь. — Не кровь, не жизнь. Память. Ты должен забыть что-то важное, чтобы я ушла.

Глава 15. Ритуал у древнего камня

Игнат задумался. Забыть что-то важное... Что он мог от-
дать? Детство? Лицо матери? Путь к дому?

— Дай мне время, — попросил он.

Марь кивнула. Воздух вокруг задрожал, словно от жара.

Игнат закрыл глаза. Перед внутренним взором пронес-
лись картины: мать, плетущая венок из ромашек; дед, пока-
зывающий ему руны на старом дубе; первый раз, когда он
пошёл в лес один...

Он вспомнил день, когда дед умер. Старик позвал его к
себе, отдал амулет и сказал: «Помни, внук, граница тонка.
Не дай ей порваться».

Вот оно.

— Я отдаю память о последних словах деда, — громко
произнёс Игнат. — Пусть они останутся только между ним
и мной, а ты уйдёшь и оставишь деревню в покое.

Марь склонила голову.

— Договор принят.

Она подняла руки. Идолы засияли бледным светом. Кор-
ни отступили, отпустили ноги Игната. Еремей вскрикнул и
упал на камни, но теперь глаза его были ясными.

— Игнат? — прошептал он. — Где я? Что случилось?

Марь начала растворяться в воздухе.

— Помни, — её голос звучал уже издалека. — Граница
тонка. Береги её.

Свет погас. Капище стало обычной поляной. Идолы пре-

вратились в обычные камни, поросшие мхом.

Игнат подошёл к Еремею, помог ему подняться.

— Идём домой, — сказал он. — Пора возвращаться.

Глава 16. Алконост и Сирин у капища

Они шли обратно через лес, когда Игнат слышал пение.

Оно звучало с разных сторон — то высокое, светлое, обещающее райское блаженство, то низкое, печальное, от которого сжималось сердце.

На ветвях двух высоких елей сидели птицы.

Слева — Алконост: с головой прекрасной женщины и телом птицы, с радужными перьями, сверкающими в лунном свете. Её песня дарила надежду, обещала, что всё будет хорошо.

Справа — Сирин: тоже с женским лицом, но тёмными, почти чёрными перьями. Её голос звучал так печально, что хотелось плакать и никогда не останавливаться.

— Не слушай! — крикнул Игнат Еремею, закрывая уши.

Но было поздно. Кузнец замер, замороженный, и сделал шаг к Сирин.

Игнат схватил его за рукав:

— Стой! Это испытание.

Алконост повернула голову и посмотрела на него умными глазами:

— Ты прошёл через тьму, — произнесла она. — Теперь выбери свет или печаль.

Сирин усмехнулась:

— Или прими обе стороны, как принимает их мир.

Игнат подумал.

— Я выбираю правду, — сказал он. — В жизни есть и радость, и горе. Нельзя бежать от одного ради другого.

Птицы переглянулись. Алконост запела новую песню — не такую светлую, но живую. Сирин вздохнула и её голос стал мягче, тише.

— Мудрый выбор, — сказала Алконост. — Помни его.

Обе птицы взмахнули крыльями и взлетели, растворяясь в небе.

Еремей моргнул, пришёл в себя:

— Что это было?

— Часть пути, — улыбнулся Игнат. — Идём. Нас ждут дома.

Глава 17. Возвращение в Глухово

Деревня встретила их тишиной. Дома стояли, прижавшись друг к другу, как старики у печи. На улице не было ни души.

— Странно, — пробормотал Еремей. — Где все?

Игнат почувствовал неладное.

Они дошли до центра деревни. У колодца стояла бабка Марфа, рядом с ней — несколько жителей. Все смотрели на них молча.

— Пришли, — произнесла Марфа. — А мы уж думали,

сгнули.

— Всё позади, — сказал Игнат. — Марь ушла. Но она предупредила: граница тонка. Мы должны помнить старые обычаи, уважать духов.

Люди переглянулись.

— Так и будем, — кивнул староста. — С завтрашнего дня начнём восстанавливать старый обряд почитания духов. Ты, Игнат, будешь его хранителем.

Еремей опустил голову:

— Простите меня, — тихо произнёс он. — Из-за меня всё началось.

— Из-за незнания, — поправила Марфа. — Теперь знаешь. И все будем знать.

Над деревней взошла луна — большая, круглая, светлая. Где-то в лесу заухал филин, закрипела старая ель. Болото дышало туманом, но теперь он не казался зловещим — просто часть мира, который нужно понимать и уважать.

Игнат посмотрел на небо. Он знал: впереди много работы. Но теперь он был готов. Он стал хранителем границы.

Глава 18. Первая весна после событий

Весна в том году пришла рано. Ещё в конце февраля солнце стало припекать так, что с крыш потекли звонкие ручьи, а к середине марта снег в Глухово почти весь растаял, оставив после себя лишь тёмные проталины да грязные лужи.

Игнат стоял на окраине деревни, вглядываясь в лес. Деревья ещё стояли голые, но в воздухе уже чувствовалось пробуждение — тонкий аромат набухающих почек, свежесть талой воды, едва уловимый запах молодой травы.

— Пора, — раздался за спиной голос бабки Марфы.

Она подошла неслышно, опираясь на резной посох. В руках у неё был плетённый короб с дарами: хлеб, мёд, зерно, красные ленты.

— Сегодня первый обряд, — сказала она. — Ты теперь хранитель границы. Помни: не просто дань платим — уважение оказываем.

Игнат кивнул. Он знал: от того, как пройдёт этот обряд, зависит многое. Марь ушла, но граница между мирами всё ещё тонка.

Они направились к старому дубу на опушке — тому самому, у которого дед Игната когда-то учил его читать руны на коре. У дерева уже собрались жители деревни: староста, Еремей, женщины с корзинами, дети, перешёптывающиеся и боязливо оглядывающиеся на лес.

— Слушайте все, — громко произнёс Игнат. — Сегодня мы восстанавливаем старый обряд почитания духов. Пусть знают: мы помним о них, уважаем их власть и просим о милости.

Он достал из короба горсть зерна, бросил под дуб:
— Полевику — за урожай.

Потом положил ломоть хлеба:

— Лешему — за лес.

Мёд поставил у корней:

— Водяному — за реки и ручьи.

Красную ленту повязал на ветку:

— Домовым — за тепло в домах.

Когда дары были разложены, Игнат поднял руки и произнёс слова, которые передал ему дед:

«Духи леса, духи воды, духи дома и поля,

Примите дары, услышьте слова.

Мы помним вас, чтим вас, уважаем,

В мире жить с вами желаем.

Границу храним, порядок блюдём,

На помощь зовём, когда надо идём».

Тишина повисла над опушкой. Даже птицы перестали петь.

А потом дуб зашумел листьями — будто вздохнул облегчённо. В воздухе запахло мёдом и можжевельником.

— Приняли, — прошептала бабка Марфа. — Вишь, как легко стало?

Люди переглянулись, заулыбались. Кто-то перекрестился, кто-то поклонился дубу.

Еремей подошёл к Игнату:

— Спасибо, — тихо сказал он. — Из-за меня всё началось, а ты всё исправил.

— Мы вместе исправили, — поправил Игнат. — Теперь главное — не забывать.

Над лесом взошло солнце, озарив всё вокруг золотистым светом. Где-то в глубине леса заухал филин, а с болота донёсся крик выпи — не зловещий, как раньше, а обычный, весенний.

Мир возвращался в равновесие.

Глава 19. Полевик и засуха

Лето выдалось жарким. Уже в июне солнце палило так, что трава на полях начала желтеть, а речка обмелела, обнажив илистое дно.

— Не к добру это, — качала головой бабка Марфа. — Полевик гневается.

Игнат знал: полевик — дух полей, покровитель урожая. Если он недоволен, может и засуху наслать, и вредителей нагнать.

На третий день после первых признаков беды Игнат отправился в самое сердце ржаного поля. Он шёл по узкой тропинке, чувствуя, как под ногами пружинит сухая земля. Колосья, ещё недавно тугие и тяжёлые, теперь склонялись, поникшие от жары.

— Хозяин полевой, — громко произнёс он, остановив-

шись в центре поля. — Я пришёл с миром. Скажи, чем недоволен?

Ветер стих. Стало тихо — так тихо, что Игнат слышал биевание собственного сердца.

Потом в колосьях что-то зашевелилось. Из ржи выступил невысокий старичок с бородой из колосьев, в одежде из соломы. Глаза у него были жёлтые, как спелая рожь.

— Давно не читили, — прохрипел Полевик. — Забыли, что без нашего согласия ни зерно не взойдёт, ни колос не нальётся.

— Прости, — поклонился Игнат. — Мы исправимся. Что нужно сделать?

Полевик прищурился:

— Жертва нужна. Не кровь, не золото. Первое зерно нового урожая отдайте мне. И повяжите на меже красные ленты — знак уважения.

— Обещаю, — твёрдо сказал Игнат. — Сделаем всё, как скажешь.

Полевик кивнул. В тот же миг по полю пробежал ветерок, принося с собой запах дождя.

— Ладно, — буркнул дух. — Дам вам ещё шанс. Но помни: уважение — оно на двух ногах ходит. Забыли — беда придёт.

Он шагнул назад, растворяясь в колосьях. А когда Игнат моргнул, старичка уже не было.

На следующий день небо затянуло тучами, и прошёл пер-

вый летний дождь — обильный, благодатный. Ржаное поле зазеленело, наливаясь силой.

Глава 20. Странник и древние предания

Через неделю после дождя в деревню пришёл странник.

Он появился на закате — высокий, худой, в длинном сером плаще, с посохом, увенчанным резным черепом какого-то зверя. Лицо у него было смуглое, изрезанное морщинами, а глаза — тёмные, глубокие, будто два колодца.

— Меня зовут Велемир, — представился он, когда его остановили у околицы. — Иду из дальних краёв, где ещё помнят старые обычаи.

Староста пригласил его в дом, накормил, напоил. А потом позвал Игната — мол, пусть послушает, что скажет мудрый человек.

За чашкой травяного отвара странник заговорил:

— Границы между мирами тонки, — произнёс он. — И не только у вас. По всей земле есть места, где они истончились. Где духи пробуждаются, а люди забывают заветы предков.

Игнат напрягся:

— Ты знаешь о Марь?

Велемир кивнул:

— Знаю. И о других — тоже. Есть места, где водяные перестали пускать рыбу в реки. Где банники запаривают до смерти. Где кикиморы воруют детей. Всё потому, что люди перестали уважать грань.

— Что же делать? — спросил староста.

— Восстанавливать, — просто ответил странник. — Там, где есть хранители, как ты, Игнат, — учить других. Там, где нет, — ставить. Границы нужно беречь, иначе миры смешаются, и начнётся хаос.

Он поднялся, отставил чашку:

— Я иду дальше, буду искать тех, кто готов учиться. А ты, хранитель, помни: твоя задача — не только Глухово охранять. Ты часть большой цепи.

Странник вышел за дверь. Когда Игнат выглянул следом, на дороге уже никого не было — только ветер кружил пыль да где-то вдали ухнула сова.

Игнат посмотрел на амулет, висевший на груди. Он начал понимать: его путь только начинается.

Глава 21. Испытание в Нави

Ребёнка не видели уже три дня. Малые Ванюшу искали всей деревней — и в лесу, и на болоте, и у реки, — но нигде не нашли. Только у околицы заметили следы маленьких ног, уходящие в сторону старого омута, где, по слухам, жила кикимора.

Игнат пришёл к омуту на рассвете. Туман стелился над водой, цепляясь за камыши.

— Хозяюшка болотная, — произнёс он громко. — Отдай

дитя. Зачем тебе малый ребёнок?

Вода в омуте забурлила, вспучилась пузырьём, и из него выступила кикимора. Теперь она выглядела не как скрюченная старушонка, а как молодая женщина с длинными зелёными волосами и глазами, похожими на болотные огни.

— Не я его взяла, — прошептала она. — Оно само ушло. В Навь.

— Как в Навь? — похолодел Игнат.

Кикимора склонила голову:

— Через омут. Там, внизу, есть проход. Кто ступит в него с чистым сердцем и без страха — может пройти. Но обратно... немногие возвращаются.

— Я пойду, — твёрдо сказал Игнат.

— Один не дойдёшь, — покачала головой кикимора. — Там свои правила. Возьми проводников.

Она хлопнула в ладоши, и из тумана выступили два волкодлака — те самые, что когда-то помогли Игнату добраться до капища.

— Мы с тобой, — прохрипел один. — Но помни: в Нави нельзя лгать, нельзя бояться, нельзя забывать, кто ты есть.

Игнат кивнул, снял с шеи амулет и положил его на камень у воды:

— Пусть остаётся здесь. В Нави он не поможет.

Он шагнул в омут.

Холод сковал тело мгновенно. Вода вокруг стала чёрной, как чернила, но впереди светился бледный путь — будто тро-

па из лунного света. Волкодлаки шли по бокам, их глаза светились жёлтым.

Вокруг проплывали тени — то ли рыбы, то ли духи, то ли воспоминания. Где-то вдали слышался плач, смех, шёпот.

— Ванюша! — крикнул Игнат.

Впереди мелькнула фигурка. Мальчик стоял на краю туманного острова, смотрел куда-то вдаль и не двигался.

— Ваня, иди ко мне! — позвал Игнат.

Мальчик обернулся. Глаза у него были пустые, как у тех, кого коснулась Марь.

— Здесь хорошо, — прошептал он. — Здесь нет страха.

— Но там тебя ждут мама и папа, — сказал Игнат, подходя ближе. — И друзья. И весна. Ты хочешь остаться здесь навсегда?

Ванюша моргнул. В глазах мелькнуло узнавание:

— Дядя Игнат?

— Да, это я. Пойдём домой.

Он взял мальчика за руку. В тот же миг туман вокруг зашевелился, загудел, будто недовольный.

— Нельзя уходить просто так, — прошипел чей-то голос. — Плата!

Волкодлаки зарычали, оскалились. Один из них шагнул вперёд:

— Мы заплатим. Памятью.

Они обменялись взглядами с Игнатом. Тот понял: они отдадут часть своих воспоминаний, чтобы открыть проход.

Туман расступился. Бледная тропа засветилась ярче.

— Берите ребёнка и идите, — прохрипел волкодлак. —

А мы останемся.

— Нет! — начал Игнат.

— Так надо, — перебил второй. — Мы знаем, что делаем.

Игнат схватил Ванюшу за руку и побежал по тропе. Омут за спиной захлопнулся, как пасть зверя.

Когда он очнулся, лежал на берегу, мокрый и дрожащий, а рядом сидел Ванюша и плакал, уткнувшись ему в плечо.

Кикимора стояла поодаль и смотрела на них.

— Спасибо, — сказала она. — Ты не бросил его.

— А волкодлаки?..

— Они вернутся, — кивнула кикимора. — Но уже другими. Такова плата за Навь.

Над болотом вставало солнце. Туман рассеивался, открывая вид на деревню, где уже бежали люди — мать Ванюши, староста, бабка Марфа.

Игнат вздохнул. Он знал: это только начало пути.

Глава 22. Встреча с Дажьбогом

После возвращения из Нави Игнат несколько дней не мог прийти в себя. Ему снились тени, слышался шёпот, а амулет, который он оставил у омута и потом нашёл на том же камне, теперь светился в темноте слабым золотистым светом.

Однажды утром бабка Марфа позвала его на околицу:

— Иди за мной. Есть дело.

Они поднялись на холм за деревней, где стоял одинокий камень, покрытый древними знаками.

— Здесь, — сказала Марфа, — в полдень бывает сила. Жди.

Игнат остался один. Солнце поднималось выше, и когда оно оказалось в зените, камень засветился — не ярко, а мягко, как утренняя заря.

Из света выступил высокий мужчина в белых одеждах, с золотыми волосами и глазами, похожими на солнце.

— Ты — хранитель границы, — произнёс он голосом, похожим на шум ветра в колосьях. — Я — Дажьбог, дающий свет и жизнь.

Игнат поклонился:

— Благодарю, что явился. Чему я должен научиться?

Дажьбог улыбнулся:

— Балансу. Граница тонка не потому, что духи злые, а потому, что люди забыли: мир един. Лес, поле, дом, река — всё связано. Ты должен научить людей видеть эту связь.

Он протянул руку, и на ладони у него появился маленький солнечный диск:

— Возьми. Это знак. Когда будешь проводить обряды, пусть он светит над местом почитания. Он поможет укрепить границу.

Игнат принял диск. Тот был тёплым, почти живым.

— Что ещё? — спросил он.

— Помни: не все духи — враги. Не все люди — храни-

тели. Но каждый может помочь, если поймёт. Научи их видеть знаки, слышать шёпот ветра, замечать следы духов. Тогда граница станет крепче.

Дажьбог сделал шаг назад. Свет вокруг него стал ярче, ослепил на мгновение, а когда Игнат проморгался, на холме никого не было — только солнечный диск лежал у него на ладони, тёплый и живой.

Бабка Марфа подошла сзади:

— Ну что, понял?

— Понял, — кивнул Игнат. — Пора учить других.

Глава 23. Возвращение кикиморы

Осенью, когда листья начали опадать, а болота затянуло туманом, кикимора снова пришла в деревню.

Она появилась на окраине вечером, когда зажигали огни. Стояла у плетня, мокрая, спутанные волосы облеплены тиной, глаза — тревожные.

Игнат заметил её первым.

— Что случилось? — спросил он, подходя.

— В трясине, — прошептала кикимора, — что-то проснулось. Древнее. Злое. Оно гонит нас, ломает тропы, отравляет воду.

— Кто?

— Не знаю имени. Но оно не из наших. Пришло издалека, из-под земли.

Игнат задумался.

— Покажи, — сказал он.

Они пошли к болоту. Туман здесь был гуще, пах гнилью и чем-то металлическим. Вдалеке мерцали огни — не блуждающие, а красные, злые.

— Там, — указала кикимора. — У старого дуба, что упал в воду.

Игнат достал амулет и солнечный диск. Оба светились, но по-разному: амулет — бледно, диск — ярко, ровно.

— Оно чувствует силу, — предупредила кикимора. — Будет пытаться сбить с пути.

Они ступили на тропу. Болото зашевелилось, забурлило. Из тумана выступили фигуры — то ли люди, то ли звери, то ли вообще не из этого мира.

— Назад! — крикнул Игнат, поднимая диск. — Я — хранитель границы! Именем Дажьбога, именем предков, именем земли — прочь!

Фигуры зашипели, отступили.

У упавшего дуба, наполовину погружённого в воду, клубилась тьма. Она пульсировала, как живое сердце, и от неё веяло холодом и ненавистью.

— Это не дух, — прошептала кикимора. — Это... осколок. Осколок чего-то большого.

Игнат положил руку на диск. Тот засиял ярче, отбрасывая золотистые лучи на тёмную воду. Тьма у дуба зашипела, отступила на шаг.

— Что это? — спросил Игнат у кикиморы.

— Осколок Нави, — прошептала она, дрожа. — Что-то прорвалось из нижнего мира. Оно питается страхом, питается силой духов. Уже три моих сестры исчезли...

— Как его уничтожить?

— Не уничтожить, а запечатать. Нужно восстановить печать, что была здесь когда-то. Но для этого нужны три вещи: кровь хранителя границы, слеза кикиморы и огонь, что не гаснет.

Игнат задумался. Кровь — это просто. Слезу... он посмотрел на кикимору — та сжала кулаки, но кивнула. А вот огонь...

— Солнечный диск, — догадался он. — Он не погаснет.

Кикимора склонила голову:

— Да. Но будь осторожен. Осколок будет пытаться сломить тебя. Он покажет тебе страхи, сомнения, заставит усомниться в себе.

Игнат глубоко вдохнул.

— Начинаем.

Он надрезал ладонь ножом, и капля крови упала на поверхность воды. В тот же миг тьма вокруг зашевелилась, загудела, будто недовольный улей.

Кикимора закрыла глаза. Из-под ресниц скатилась крупная слеза — зелёная, светящаяся, как болотный огонёк. Она

упала рядом с кровью, и вода вокруг забурилась.

Игнат поднял солнечный диск. Тот вспыхнул ослепительным светом, и лучи его устремились к упавшему дубу, очерчивая на воде древний знак — круг с тремя переплетающимися спиралями.

Тьма взвыла. Из неё выступили тени — не просто образы, а его собственные страхи:

вот Еремей снова одержим Марьей;

вот деревня горит, а люди бегут, крича, что хранитель их подвёл;

вот он сам стоит у омута, а волкодлаки шепчут: «Ты не справился, ты слаб».

— Нет! — крикнул Игнат. — Я — хранитель границы! Я помню свой долг!

Он шагнул вперёд, прямо в тьму, держа диск перед собой.

— Именем Дажьбога, именем предков, именем земли и неба — запечатываю тебя! Возвращайся туда, откуда пришёл! Пусть граница будет крепка, пусть духи хранят мир, а люди помнят заветы!

Диск вспыхнул так ярко, что на мгновение ослепил. Вода вокруг дуба закипела, запенилась. Тьма сжалась в комок, завизжала нечеловеческим голосом и втянулась в центр знака.

Спиральи засветились, сомкнулись, и на поверхности воды остался лишь слабый узор — как будто выгравированный на стекле.

Тишина.

Туман рассеялся. Болото выглядело обычным — тина, камыши, кваканье лягушек. Даже красные огни исчезли.

Кикимора вздохнула с облегчением.

— Печать восстановлена, — сказала она. — Спасибо, хранитель. Ты спас не только деревню, но и нас.

Она коснулась воды, и из неё поднялись три фигуры — те самые кикиморы, что пропали. Они поклонились Игнату.

— Мы в долгу перед тобой, — произнесла старшая. — Если понадобится помощь болота — зови.

Игнат убрал диск, перевязал руку.

— Главное, чтобы больше не было таких осколков, — устало улыбнулся он.

— Будут, — серьёзно сказала кикимора. — Мир меняется. Границы истончаются. Но теперь у нас есть хранитель, который знает, как с этим бороться.

Они пошли обратно к деревне. Солнце уже поднималось над лесом, золотя верхушки деревьев. Где-то вдалеке куковала кукушка, а с болота доносилось обычное кваканье — без всякой зловещей ноты.

Игнат оглянулся на омут. Печать на воде всё ещё слабо светилась — напоминание о том, что работа хранителя никогда не заканчивается.

Глава 24. Домовой и пропавшие дети

Через неделю после событий на болоте в деревне начали пропадать вещи. Сначала — мелочь: ложка, платок, клубок ниток. Потом — курица, а на третий день — двое детей, игравших у колодца.

Староста созвал народ на площади. Лица у всех были встревоженные.

— Это не просто кражи, — сказал Игнат. — Чувствую чужую силу. Кто-то или что-то проверяет нас.

Бабка Марфа кивнула:

— Домовой. Но не наш. Чужой. Заблудился, или его кто-то натравил.

Игнат знал: домовые — духи дома, обычно добрые, но если разозлить или запутать — могут шалить, а то и навредить.

Он пошёл к старому дому на околице — там, по слухам, последний раз видели детей. Дом стоял пустой, с заколоченными окнами, но дверь была приоткрыта.

— Хозяин домашний, — громко произнёс Игнат, остановившись у порога. — Я пришёл не спорить, не воевать. Я пришёл договориться. Отдай детей, и мы найдём тебе место, где ты будешь в почёте.

Тишина. Только скрипнула половица внутри.

Он переступил порог.

В избе было пыльно, пахло плесенью. На лавке сидели дети — оба спали, как под гипнозом. А в углу, у печи, шевелилась тень.

— Зачем ты их взял? — спокойно спросил Игнат.

Тень оформилась в фигуру — маленький старичок с бородой до пола, в лаптях, но с глазами, горящими красным.

— Мне дом нужен, — прохрипел домовой. — Мой сгорел. А этот пустой. Но тут дух старый не пускает. Вот я и решил... показать, кто тут главный.

— Понятно, — кивнул Игнат. — Но дети ни при чём. Отпусти их, а я найду тебе дом, где нет хозяина.

Домовой прищурился:

— А если обманешь?

— Клянусь амулетом хранителя и солнечным диском.

Он достал оба предмета. Домовой зашипел, отпрянул, но потом кивнул:

— Верю. Бери своих.

Дети разом открыли глаза, заморгали.

— Дядя Игнат? — удивлённо спросила девочка. — Мы тут заснули, да?

— Да, — улыбнулся он. — Пойдёмте домой.

Когда они вышли, Игнат обернулся к домовому:

— Жди у старой мельницы. Там дом без хозяина. Я скажу старосте, чтобы признали тебя хранителем.

— Спасибо, — буркнул домовой. — Я буду хорошим.

На улице уже бежали родители. Они схватили детей, за-

плакали, заобнимали. Староста подошёл к Игнату:

— Ты опять всё уладил.

— Не я, — покачал головой Игнат. — Мы. Вместе.

Над деревней садилось солнце, окрашивая крыши в золотистый цвет. Где-то за лесом ухал филин, а с болота доносился крик выпи — обычный, вечерний, без угрозы.

Мир снова был в равновесии. Но Игнат знал: это лишь передышка.

Глава 25. Русалки и пересохшая река

Лето выдалось небывало жарким. Речка Иволга, что когда-то полноводной лентой огибала Глухово, теперь превратилась в жалкий ручеёк, едва заметный среди высохших камней. Трава по берегам пожелтела и хрустела под ногами, а в воздухе висела пыль, поднимаемая каждым порывом ветра.

Игнат стоял на берегу, глядя на остатки реки. Вода едва сочилась из-под камней, оставляя на них белые солевые разводы. В тени старой ивы, склонившейся над руслом, сидели бабы с вёдрами — ждали, пока наберётся хоть немного воды.

— Совсем иссякла, — вздохнула Марфа, вытирая пот со лба. — Рыбы нет, птицы улетели, даже лягушки замолкли.

— Русалки, — тихо произнёс Еремей, стоявший рядом. — Говорят, они обиделись. В прошлом году мальчишки их

пугали, камнями кидали, да и вообще... давно уж никто им даров не носит.

Игнат кивнул. Он знал: речные духи — существа капризные, но справедливые. Если их уважить — помогут, а если обидеть — могут и наказать.

Он взял плетёную корзину, куда положил свежий хлеб, мёд в горшочке, красную ленту и горсть серебряных монет — по старинному обычаю.

К вечеру он пришёл к глубокому омуту — тому самому, где когда-то купались деревенские дети, а старики говорили, что здесь русалки расчёсывают свои длинные волосы.

Вода в омуте была чёрной, как чернила, и неподвижной, будто зеркало. На поверхности не было ни ряби, ни пузырьков — словно сама жизнь ушла из этого места.

— Хозяйки реки, — громко произнёс Игнат, ставя корзину на берег. — Я пришёл с миром. Простите нас за невежество, за неуважение. Примите дары и верните воду нашей реке.

Он поклонился и отступил на шаг.

Тишина. Даже ветер стих.

Потом вода в омуте зашевелилась. Из глубины поднялись три фигуры.

Первая — совсем юная русалка, с волосами цвета речной травы и глазами, как две зелёные капли. Она смеялась, но смех её звучал сухо, без радости.

Вторая — постарше, с тёмными, почти чёрными волосами, обвившими плечи, как водоросли. Лицо у неё было строгим, губы сжаты.

Третья — старая, с седыми прядями, прилипшими к впалым щекам. В руках она держала сломанный гребень — символ того, что река больше не может кормить своих духов.

— Долго ждали, — хрипло произнесла старая. — Забыли вы нас. Забыли, что вода — не просто влага, а душа земли.

— Простите, — снова поклонился Игнат. — Мы исправимся. Обещаю, что каждый год будем проводить обряд почитания речных духов. А сейчас... скажите, что нужно сделать, чтобы вернуть воду?

Старая русалка посмотрела на него, потом на дары.

— Вода вернётся, если будет уважение, — сказала она. — Но сначала нужно очистить исток. Там, в лесу, у родника, кто-то бросил железный хлам — он отравляет воду. Убери его, и река оживёт.

— Я пойду сейчас же, — твёрдо сказал Игнат.

Юная русалка вдруг улыбнулась:

— А если сделаешь всё как надо, приходи завтра на это же место. Мы покажем тебе, как вернуть силу реке.

Она взмахнула рукой, и на поверхности воды вспыхнули три голубых огонька — не блуждающие, а спокойные, как звёзды.

— Следуй за ними, — сказала старшая. — Они приведут к истоку.

Игнат поклонился ещё раз и пошёл за огоньками. Они скользили над землёй, то вспыхивая ярче, то затухая, будто дыша.

Лес вокруг был сухим и тихим. Деревья стояли с поникшими ветвями, листья на них свернулись в трубочки. Но чем ближе к роднику, тем заметнее становилось: природа оживала. Появились зелёные побеги, запели птицы, воздух стал влажнее.

У родника, действительно, валялись ржавые ведра, сломанные грабли и какой-то железный хлам. Игнат собрал всё в мешок, отнёс подальше и закопал. Потом опустился на колени и зачерпнул ладонями прозрачную воду.

— Прости, — прошептал он роднику. — Больше такого не повторится.

Вода заструилась сильнее, побежала по камням, наполняя канавки и ямки.

На следующее утро река уже текла полноводно, как прежде. А у омута Игната ждали русалки.

— Хорошо, — кивнула старая. — Теперь помни: мы — часть вашего мира. Уважайте нас — и мы будем беречь вас.

Они улыбнулись ему и скользнули в воду, оставив на поверхности лишь лёгкую рябь.

Глава 26. Вий и проклятый колодец

Осенью, когда листья начали опадать, в деревне появился новый колодец — его выкопали на окраине, чтобы не ходить далеко за водой. Сначала всё было хорошо: вода была чистой, свежей, и люди радовались.

Но через неделю стали говорить, что кто-то, выпивший из него, заболевает: голова кружится, в глазах темнеет, а по ночам снятся страшные сны.

Староста позвал Игната:

— Нужно разобраться. Бабка Марфа говорит, что колодец проклят.

Игнат пришёл к колодцу на закате. Он был глубоким, срубленным из свежих брёвен, но вода в нём казалась слишком тёмной, почти чёрной. На краю лежала опрокинутая кружка — видимо, тот, кто набирал воду, бросил её в испуге.

— Хозяин колодца, — произнёс Игнат. — Если ты здесь, отзовись. Я пришёл не воевать, а договориться.

Вода зашевелилась, вспучилась пузырьм. Из глубины поднялся дух.

Это был Вий — древний, страшный, с тяжёлыми веками, почти закрывавшими глаза. Его кожа была серой, как камень, а пальцы — длинными и костлявыми. Он опирался на посох, увенчанный черепом какой-то птицы.

— Зачем тревожишь? — прохрипел Вий. — Этот колодец — мой. Я здесь с давних времён, ещё до того, как ваши предки пришли в эти леса.

— Мы не знали, — спокойно ответил Игнат. — Прости, что потревожили. Но люди страдают. Отпусти проклятие, и мы будем почитать тебя, как положено.

Вий медленно поднял веки. Глаза у него были жёлтыми, как у филина, и в них отражались все страхи, какие только бывают на свете.

— Почитание... — прошипел он. — Вы забыли, кто здесь был первым. Забыли, что нельзя копать там, где спит древний дух.

— Что нужно сделать? — спросил Игнат, не отводя взгляда.

Вий усмехнулся:

— Принесите мне три вещи: яйцо чёрной курицы, пепел от берёзовой ветки, сожжённой в полночь, и слезу ребёнка, который не знает страха. Тогда я уйду, и вода очистится.

— Дано, — кивнул Игнат. — Я всё сделаю.

Следующим вечером он пришёл с дарами. Вий принял их, медленно кивнул и начал растворяться в воздухе.

— Помни, хранитель, — прозвучал его голос. — Мир — это равновесие. Не нарушай его.

Вода в колодце посветлела, стала прозрачной. Игнат зачерпнул её, выпил — и почувствовал, как по телу разливается тепло.

На следующий день люди снова ходили к колодцу, и никто больше не жаловался на дурные сны.

А на краю деревни, под старой елью, Игнат поставил маленький каменный идол — в знак уважения к древним духам, что жили здесь задолго до людей.

Глава 27. Упыри на старом погосте

Зима в тот год наступила внезапно — ещё вчера пожухлая трава шелестела под ветром, а сегодня всё вокруг укрывал толстый слой снега, искрящийся под бледным солнцем. Но в Глухово не радовались первому снегу: с погоста, что стоял на холме за деревней, доносились странные звуки — будто кто-то скребётся под землёй, стонет и шепчет вполголоса.

Игнат шёл по заснеженной тропе, оставляя глубокие следы. Воздух был колючим, морозным, и каждый выдох превращался в облачко пара. Холм с погостом возвышался впереди — тёмные кресты и каменные плиты торчали из снега, как зубы древнего зверя.

У ворот кладбища стояла бабка Марфа. Платок у неё сбился набок, лицо было бледным, а руки дрожали.

— Они встают, — прошептала она. — Упыри. Уже три могилы разрыты, а ночью кто-то ходит между крестами.

Игнат кивнул, поправил на шее амулет и толкнул скрипучую калитку.

Земля на погосте была взрыхлена, будто кто-то рыл её изнутри. На снегу виднелись следы — не звериные, не челове-

ческие, а какие-то кривые, с когтями. В воздухе висел тяжёлый запах тлена и сырой земли.

Он остановился у старой часовни, приросшей к склону холма. Крыша её прогнила, окна были заколочены, но дверь слегка покачивалась на ржавых петлях.

— Кто здесь? — громко спросил Игнат. — Я — хранитель границы. Отвечайте!

Из-за могильных плит поднялись фигуры.

Первый упырь был высоким, с кожей, похожей на высохшую глину. Глаза у него ввалились, губы стянулись, обнажая жёлтые зубы. Он шевелил пальцами, длинными и скрюченными, будто корни старого дерева.

Второй — низкий, коренастый, с головой, наклонённой набок. Вместо одного глаза — чёрная впадина, из которой сочилась тёмная жидкость. Он хрипел, втягивая воздух, и его ноздри раздувались.

Третий — совсем юный, почти мальчик. Лицо у него ещё сохраняло черты живого, но кожа была бледной, как первый снег, а глаза — пустыми, без зрачков. Он смотрел на Игната и тихо стонал.

— Зачем встали? — строго спросил хранитель. — Кто вас поднял?

Высокий упырь зашипел:

— Голод... Мы голодны. Кровь нужна. Земля не держит нас.

— Кто вас поднял? — повторил Игнат.

Низкий упырь хрипло рассмеялся:

— Тот, кто знает старые слова. Тот, кто хочет власти. Он шептал у могил, лил чёрную воду...

Игнат сжал амулет. Он понял: кто-то в деревне решил использовать тёмную силу, не понимая последствий.

— Я верну вас в землю, — сказал он. — Но сначала скажите: где тот, кто вас поднял?

Юный упырь вдруг поднял руку и указал на край погоста — туда, где стоял старый дуб, обросший мхом.

— Там... он там... ждёт...

Игнат кивнул:

— Хорошо. Я разберусь. А вы... возвращайтесь.

Он достал из мешка горсть золы, смешанной с полыньёю, и бросил на землю перед упырями. Затем поднял солнечный диск и произнёс слова, которым научил его Дажьбог:

«Силой света, силой земли,

Силой памяти, силой крови,

Возвращайтесь туда, где покой,

Где нет голода, нет боли.

Граница крепка, мир цел,

А вы — в земле, где ваш удел».

Диск вспыхнул золотистым светом. Упыри зашипели, отступили, начали таять, словно дым на ветру. Их тела оседали в землю, смешиваясь с ней, пока не исчезли совсем. Только следы на снегу напоминали, что они были здесь.

Игнат направился к дубу. Под деревом, укутавшись в рваный плащ, сидел человек. Это был Трофим, деревенский пастух, которого все считали чудаковатым. Он дрожал, глаза у него были расширены от страха.

— Я... я не знал, — прошептал он. — Думал, получу силу... а они вышли... их много...

— Ты нарушил равновесие, — строго сказал Игнат. — Теперь помоги его восстановить. Завтра мы проведём обряд очищения. Ты будешь помогать.

Трофим кивнул, не смея возразить.

К утру метель замела все следы на погосте. Кресты стояли на своих местах, а земля больше не шевелилась.

Бабка Марфа встретила Игната у околицы:

— Получилось?

— Да, — устало улыбнулся он. — Но теперь нужно учить людей: не всякая сила стоит того, чтобы её звать.

Над холмом вставало солнце, золотя снег. Где-то вдали каркнула ворона, но звук её был обычным, будничным — без угрозы. Мир снова был в порядке.

Глава 28. Мора и болезнь в деревне

В конце января в Глухово пришла хворь. Сначала занемог маленький Гришка — мальчик стал бледным, вялым, жаловался на холод даже у печи. Потом слегла его мать, потом сосед, потом ещё двое...

Люди шептали: «Мора пришла. Дух холода насыляет болезнь».

Игнат пришёл к бабке Марфе. Старуха сидела у печи, помешивая зелье в чугушке. Пахло можжевельником, полынью и чем-то горьким.

— Что делать? — спросил он.

— Мора, — вздохнула Марфа. — Древний дух. Он приходит, когда люди забывают о зиме, о её силе. Считают, что тепло — это навсегда. А Мора напоминает: зима — хозяйка, и она может быть жестокой.

На следующий день Игнат отправился в лес. Он знал: Мора обитает там, где снег лежит глубже всего, где деревья стоят, покрытые инеем, как серебром.

Тропа вела вглубь чащи. Снег здесь был нетронутым, глубоким — Игнат проваливался по колено. Сосны и ели стояли, склонившись под тяжестью белых шапок. В воздухе пах-

ло морозом и хвоей, а тишина была такой густой, что казалось, её можно потрогать.

Наконец он вышел на поляну. Посередине стоял огромный валун, покрытый ледяными узорами. На нём сидела женщина.

Это была Мора. Высокая, стройная, в платье из инея, с волосами, белыми, как снег. Лицо у неё было красивым, но холодным, а глаза — голубыми, как замёрзшее озеро. В руках она держала посох, увенчанный кристаллом льда.

— Зачем пришёл? — её голос звучал, как скрип снега под ногами.

— Прошу остановить болезнь, — поклонился Игнат. — Люди не хотели тебя обидеть. Они просто забыли, что зима — не только холод, но и красота.

Мора усмехнулась:

— Забыли. Забыли, что без зимы не будет весны. Забыли, что мороз очищает землю. Забыли, что я — часть мира.

— Мы вспомним, — твёрдо сказал Игнат. — Дай нам шанс.

Она медленно подняла посох. Кристалл вспыхнул голубым светом.

— Хорошо. Но пусть запомнят: я не враг. Я — часть равновесия. Пусть завтра на околице сложат костёр из можжевельника и берёзы. Пусть бросят в него горсть зерна и ска-

жут: «Мора, спасибо за зиму. Мы помним тебя».

— Сделаем, — кивнул Игнат.

На следующий день вся деревня собралась у околицы. Мужчины сложили костёр, женщины принесли можжевельник и зерно. Дети стояли рядом, серьёзные и внимательные.

Игнат поднял руки:

— Мора, спасибо за зиму. Мы помним тебя.

Все повторили за ним. Костёр вспыхнул ярким пламенем, и в тот же миг по деревне пронёсся порыв ветра — не холодный, а свежий, бодрый.

К вечеру хворь отступила. Гришка уже бегал по избе, а его мать встала с постели.

Вечером Игнат вышел на крыльцо. Небо было ясным, усыпанным звёздами. Где-то вдалеке завыл волк — не злобно, а как будто в песне.

Мир снова был в равновесии. Но Игнат знал: впереди ещё много испытаний. Хранителю границы нельзя расслабляться.

Глава 29. Банник и проклятая баня

В середине зимы, когда морозы сковали землю и реки, в Глухово случилась беда — сгорела старая баня на краю деревни. И ладно бы просто сгорела: так ведь после пожара лю-

ди стали болеть, кашлять, видеть дурные сны. А те, кто проходил мимо пепелища, жаловались, что слышат за спиной шёпот и смех, будто кто-то невидимый потешается над ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.